

Репрессии 1917-1958 г. в Ставрополе

К террору, как основному методу государственной политики, советское правительство перешло после того, как было заявлено об установлении демократии. 5 сентября 1918г. было опубликовано постановление Совнаркома о красном терроре. В этом документе говорилось: «необходимо обезопасить советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; подлежат расстрелу лица, прикосновенные к белогвардейским организациям». При Главном управлении местами заключения были созданы концлагеря и разработано «Положение о концентрационном трудовом лагере». На местах при карательных подотделах юридических отделов исполкомов организовывались карательные отряды. Отдельно в этой системе были предусмотрены «распределители» для заключенных детей до 16 лет. Установка на террор, на скорую и бессудную расправу не миновала и наш город. Ставропольский ревтрибунал, созданный решением уездного исполкома, военные трибуналы Заволжского военного округа и Южной группы армий Восточного фронта, действовавшие в то время в Ставрополе, «ничем не были связаны в определении меры наказания. Приговоры их не подлежали обжалованию». Таким же правом пользовались местные чрезвычайные комиссии - «правом непосредственного исполнения до расстрела включительно». Наиболее показательна в этом отношении деятельность трибунала в период подавления антисоветского крестьянского «чапанного» восстания в марте 1919 г. Гражданская война требовала огромных расходов. У села брали все, не считаясь с психологией крестьян, на которых взваливалось бремя новых и новых повинностей. Самарская губерния была местом усиленной «выкачки» продовольствия. Продотряды декретом ВЦИК были поставлены над местными органами. Начался, по определению партии, «крестовый поход рабочих против укрывателей хлеба». Так в нашем уезде появились продотряды, состоявшие из рабочих. Измученные голодом, они действовали жестоко, что вызывало ответную жестокость. В Ставропольском уезде три оперативных отряда особых троек под предводительством Бутеля, Кузнецова, Козлеева вели конфискацию не только продуктов, но и денег, драгоценных металлов, промтоваров. За три месяца 1921г. они изъяли в селах уезда 121 тысячу пудов зерна, около 100 тысяч пудов продуктов более чем сорока наименований и на десятки тысяч рублей промышленных товаров. За это время трижды в отрядах менялись командиры и комиссары, обвиненные в злоупотреблениях. Кроме названных троек, работал Первый Петроградский сводный продотряд. Вспомним, что с мая 1918 г. действовал Декрет «О предоставлении чрезвычайных полномочий Наркомпроду по борьбе с деревенской буржуазией». Он диктовал: «Необходимо энергичное подавление кулаков в уездах. Нужно повесить зачинщиков волнений, арестовать мятежников из богатей». Для этого и нужны были карательные отряды, которые расстреливали за сопротивление разверстке и налагали на крестьян контрибуции деньгами и хлебом, то есть действовали как в захваченной вражеской стране. Восставшие чапанщики ставили целью захват Самары, Сызрани и Ставрополя. Они выдвинули лозунг: «Да здравствует советская власть на платформе Октябрьской революции, долой коммунистов и коммуно!» Вот что говорилось в воззвании восставших: «Друзья и братья! Довольно слушать коммунистов. Эти мерзавцы разграбят ваше имущество, возьмут весь скот и хлеб, и тем обрекут на гибель ваши семьи. Товарищи крестьяне! Настал момент, и восстал народ, и мы пришли к вам, братья, крикнуть: мы не бандиты! Мы такие же крестьяне. Мы взяли ружья, чтобы победить или умереть. Впереди жизнь. Да здравствует союз трудового крестьянства!» Восставшие создали свои органы власти и учредили следственную комиссию для разбора дел арестованных коммунистов. В своей газете они публиковали обращения к красноармейцам; в результате к восставшим присоединились 175 Самарский полк и артиллерийский дивизион. Вот что говорилось в программе восставших: «Организация власти и определение ее обязанностей; партизанская вооруженная борьба; оказание помощи нуждающимся крестьянам; обеспечение политических свобод; становление мира с иностранными державами; установление выборной власти; удовлетворение всех продовольствием; обеспечение свободы всех классов; регулирование цен; рабочий контроль за производством; допущение в Россию иностранного

капитала; свободное самоопределение народностей; предоставление широкого государственного кредита личности; свободное производство в кустарной промышленности; свободное преподавание и обучение». Восстание подавляли Тверской и Самарский полки, курсанты Сенгилеевской школы красных командиров, войска внутренней охраны, мобилизованные коммунисты, семь рабочих отрядов, эскадрон кавалерии. Вот что говорилось в обращении военно-революционного комитета к населению уезда: «Не давать приюта бандитам, разоружать и доставлять их властям, сопротивляющихся истреблять, как бешеных псов, укрывателей проучить так, чтобы никому не было повадно. Все жители сел будут отвечать за преступления бандитов». Из приказов по войскам: «...уничтожить бандитские шайки, всем бандитам сдать оружие и выдать главарей на предание суду революционного трибунала. Семьи не явившихся к сдаче бандитов арестовывать и высылать. Бандитов не сдавшихся считать вне закона. Честные крестьяне должны доносить о бандах». В инструкции по борьбе с восставшими, в частности, говорилось: «Установить: мобилизацию мужского населения; взятие в заложники семей бандитов; за недоносительство - ответственность жизнью и имуществом; расстреливать заложников в случае не сдачи оружия ; в случае нахождения оружия - расстрел; в семье, укрывавшей бандита, старшего расстреливать без суда; в случае бегства семьи бандита - дом сжигать, имущество - конфисковать». Из статьи в газете «Коммуна» за март 1919 г.: «Советская власть при подавлении мятежа действовала в интересах крестьян. Эти меры были необходимы для безболезненной, бескровной и скорой ликвидации эсербандитизма». А вот как звучало воззвание к восставшим: «...сдавайтесь, или будете истреблены. Ваши имена известны. Ваши семьи объявлены заложниками. Скроетесь - вас выдадут соседи. Советская власть беспощадна. Сдавайтесь! Будем травить вас как бешеных псов!» Характерно, что сразу после восстания, на заседании губернского профсовета, меньшевики признали необходимость изменения политики в деревне. Однако, представители других партий выступили против. После ликвидации восстания сотни дел поступили в военные трибуналы Ставрополя. Количество жертв начавшейся расправы, как говорится в приказе 7/28 уисполкома, исчислялось тысячами. Губернский концентрационный лагерь был переполнен. А вот как по воспоминаниям выглядел расстрел: «Комендант приказал раздеться. У всех подогнулись ноги. Приговоренные раздевались дрожащими руками. Гнет ожидания усиливался будничностью обстановки. Комендант приказал: становитесь, повернитесь лицом к стенке. Лица у конвоиров и чекистов - напряженно-бледные. Больно стукнуло в уши. Тела рухнули на пол. Чекисты тут же отбежали назад. У расстрелянных дергались в судорогах ноги. Двое одевали трупам на ноги петли, отволакивая их в темноту. Двое забрасывали землю кровью. Трое стреляли как автоматы, и глаза у них были пустые». Расстрелы заложников, военнопленных в гражданскую войну стали обычными. В Ставрополе военкомат объявил регистрацию граждан для трудовой повинности, которую обязаны были пройти бывшие белые офицеры и солдаты. По этим спискам наша ЧК и проводила расстрелы. Вот что говорилось в приказе № 108 за апрель 1921г. увоенкомата: «Высылке из города подлежат все офицеры белой армии, состоявшие на службе в гражданских учреждениях и предприятиях. Не явившиеся подлежат расстрелу. Военком Локтев». В годы красного террора все начиналось и заканчивалось физическим уничтожением. Пренебрежение к человеку переходило в юридическую легализацию террора и насилия. Следователь ревтрибунала Заволжского военного округа Жуков в 1921г. писал в протоколе допроса Филиппова и Куликова - крестьян с. Благовещенский Сускан: «при сборе продналога комиссия с участием Съемкина отняла у этих крестьян последнюю семенную пшеницу. Семьи крестьян были обречены на голод, Филиппов и куликов во всем обвиняли коммунистов». Их осудили к 10 годам. Неумная и бесперспективная политика в деревне стала причиной голода в Поволжье. Нельзя было иметь излишки, нельзя продавать хлеб, нельзя оставлять семенное зерно, нельзя даже молить небо о дожде. Вот документы 1921 года: приказ № 8 Ставропольского уисполкома: «Лиц, виновных в проведении молебнов о дожде, немедленно арестовывать и направлять в ЧК для предания суду ревтрибунала»; уголовное дело особой тройки Ставропольского суда: «изъяв из братской могилы труп неизвестного мужчины, мать и дочь ...варили человеческое мясо,

что и обнаружено милиционером Заживновым мать и дочь, будучи отпущены под расписку после приговора суда, умерли, не дойдя до дому». В статье «Народ и власть» А.Ф. Керенский писал: «в начальное время диктатуры грабили и уничтожали церкви, сотнями расстреливали и тысячами ссылали священнослужителей». Одним из первых репрессивных документов, определивших курс на разгром церкви, стало постановление Комитета по народному просвещению от 11 декабря 1917 г. о реквизиции церковноприходских школ и семинарий со зданиями, библиотеками и ценными бумагами. А через два месяца последовал знаменитый декрет «О свободе совести, церкви и религиозных обществах». Церковь лишилась права собственности и статуса юридического лица. Для ускорения «культурной революции» начали потрошить храмы, вытряхивать мощи святых угодников, отбирать церковную утварь. Вот как это происходило. В Звенигородский монастырь явились совработники к игумену Ионе, велели выдать мощи преподобного Саввы. Они курили в храме, не снимали шапок и тот, который взял в руки череп Саввы, стал в него плевать». В 1920 г. последовал циркуляр Наркомюста о ликвидации всяких святых мощей, затруднявших движение к светлому будущему. Из письма Николая Бухарина: «При ГПУ мы воздвигнем свою церковь и уж доподлинно, врата ада не одолеют ее. Мы заменим требуху катехизиса любезной моему сердцу «Азбуков коммунизма», закон божий - политграмотой, срывали с детей крестики да ладанки, вместо икон повесили «вождей» серебряные сосуды - I, ложка весом 1 фунт 70 золотников, серебряное блюдо для освящения хлеба, чаша для освящения воды, серебряные брачные венцы». Изъятие церковных ценностей сопровождалось крестьянскими волнениями в селах Нижнее Санчелеево, Федоровка, Мусорка. По свидетельству Красницкого, всего в стране произошло 1414 столкновений. Н. Бухарин в 1924г. писал об этом времени: «Мы ободрали церковь как липку, и на ее святые ценности ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим». Пик репрессий пришелся на начало 30-х годов. За первые 11 лет после революции число церквей в стране сократилось с 77 до 28 тысяч. В Ставрополе и районе согласно Инструкции ВЦИК были репрессированы 69 священников и 350 членов их семей. Комиссия в составе Мухина, Данилова и представителя Союза безбожников закрыла храмы в 21 волости. Троицкий собор в Ставрополе закрыли решением Верховного Совета РСФСР № 644/687 от 15 ноября 1936г. с передачей здания райисполкому для открытия библиотеки и Дома обороны. Но областной ОСОАВИАХИМ отказался использовать храм и финансировать его ремонт. Настоятель В. Ясницкий от имени 500 верующих подписал просьбу об отмене решения, но председатель облисполкома Бадаев в пересмотре вопроса отказал. В результате в Троицком соборе оборудовали зернохранилище. Чаще всего храмы просто разрушали. Так произошло в селе Нижнее Санчелеево, а директор местной МТС был оштрафован за продажу населению кирпича и железа от разрушенной церкви.

Ликвидировались и религиозные общества. В 1932г. в Ставропольском районе из 22 закрыли 17 объединений в 29 волостях из 36. Действующие храмы по постановлению СНК и ВЦИК от 4 мая 1932г. облагались налоговыми и страховыми сборами, храмы, потерявшие настоятелей, закрывались. В Верхнем Санчелеево арестовали священника Тихомирова, а храм отдали под зернохранилище. Помимо выбора прихожанами и утверждениями благочинным, для священников ввели анкету, утверждавшуюся уполномоченным по делам религии и ОПТУ. Из 70 служителей культа в нашем районе помощником уполномоченного оперсектора Ставропольского ОГПУ Быковым был арестован 41 человек. Среди них А. Введенский, А. Тихомиров, И. Рождественский, И. Сараев, А. Чернов. 3 апреля 1931г. в Ставрополе запретили пасхальное богослужение под предлогом опасности стать «очагом распространения кори, скарлатины, сифилиса и гриппа». 29 апреля с той же аргументацией запретили крестный ход. Из воспоминаний О. Второвой: «Шла подготовка к первомайскому митингу. Оставалось очистить от снега площадь перед зданием бывшего скита, И вот с Троицкой были затребованы все епископы. Они в молчании принялись за дело, с невероятными усилиями вытаскивая из оврага телегу с чистым песком. В сельхозе были машины и лошади, но использование их в этот раз рассматривалось как идеологически неуместное облегчение». Вот что вспоминает о ссылке на Соловки Б. Ширяев: «Выходи по одному, стройся. Приемка начинается. Начальник лагеря Нагаев кричит седобородому

священнику: «Эй, опиум, подай бороду вперед, глаза в небеса. Бога увидишь!» Удивительна была стойкость и простых верующих в заключении. И. Столяров вспоминал свою соседку по бугырским нарам в 1937 г., старушку. Два года назад у нее проездом ночевал бежавший из ссылки митрополит. Ее допрашивали каждую ночь. Следователи менялись и собирались группами, кулаками махали перед лицом старушки, она же им: «Ничего вам со мной не сделать, хоть на куски режьте. Ведь вы начальства боитесь, друг друга боитесь, даже боитесь меня убить. А я не боюсь ничего, я хоть сейчас к Господу на ответ». Вспоминая этот тяжелый период истории, хочется верить, что истина духа наконец-то восторжествует.

Список репрессированных священнослужителей Ставрополя и Ставропольского района. Григорьев Федор Федорович, церковнослужитель, расстрелян в 1937 г. Демин Николай Михайлович, председатель церковного совета, расстрелян в 1937 г. Долинков Василий Васильевич, церковный староста, с. Хрящевка, расстрелян в 1938 г. Мишурин Дмитрий Матвеевич, председатель церковного совета, с. Ягодное, расстрелян в 1937 г. Некрасов Александр Петрович, священник, расстрелян в 1937 г. Никольский Владимир Александрович, священник, расстрелян в 1937 г. Полянецв Константин Вячеславович, дьякон, расстрелян в 1937 г. Смольков Петр Иванович, священник, с. Хрящевка, расстрелян в 1938 г. Терпигорьев Дмитрий Алексеевич, священник, с. Ягодное, расстрелян в 1937 г. Филатов Иван Кузьмич, псаломщик, с. Белозерки, расстрелян в 1937 г.

Пик коллективизации в стране победившего социализма пришелся на 1929 г., когда согласно истории ВКП(б) началось массовое «пришествие» в колхозы середняков. В 1931-1932 гг коллективизация благополучно переболела «головокружением от успехов», в основном было завершено. Однако ожидавшегося резкого увеличения сельскохозяйственной продукции колхозы и совхозы не дали. И вместо обещанного машинно-тракторного рая в коллективных хозяйствах крестьянство получило жесткий государственный хомут на шею: собранный урожай у колхозов и совхозов изымался почти подчистую. Из тех лет пришли в наш лексикон «палочки» - ими в ведомостях отмечались отработанные трудовые дни, на которые практически ничего не приходилось. Тогда же и появился невиданный нигде в мире вид уборки урожая - ночная ручная стрижка колосков. Ею вынуждены были заниматься, потому что без собранного таким образом запаса вряд ли крестьянские семьи могли дотянуть до весны даже на голодном пайке. Тысячи крестьян, в основном молодежь и подростки, посылаемые взрослыми, шли в поле ночью - стричь колоски. К этому времени и относится волна репрессий по указу от 7 августа 1932 г., в народе названном указом стригущих колоски. Голод 1932 г. в Поволжье, вызванный полной конфискацией хлеба в ходе коллективизации крестьянских хозяйств, заставлял тысячи крестьян, в основном молодежь и подростков, посылаемых взрослыми, в поле ночью стричь колоски. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1932 г как за опаснейшее хищение собственности за стрижку колосков суды давали 10 лет. Крупными хищениями занимались органы НКВД. К подобным преступлениям относилось и невыполнение хлебозаготовок «вредителями сельского хозяйства». Председателю колхоза «Красный Октябрь» Епанешникову райисполком указал на наличие в колхозе чуждых элементов, что привело к падежу тягловой силы (1933). За невыполнение плана хлебозаготовок отстранили от работы председателей сельсоветов сел Бахилово, Ягодное, Хрящевка, Узюково, а районная прокуратура возбудила по этим фактам уголовные дела, а в с. Александровка отдала под суд за невыполнение хлебозаготовок В.П. Харитонов, П.Р. Харитонов, К.А. Гаврилов (1933). Падеж свиней в колхозе им. Молотова объявили вредительством зоотехника и результатом действий классового врага (1937). В колхозе с. Кунеевки отметили слабую трудовую дисциплину и что со стороны Совета не было принято мер к выявлению врагов народа, это расценили это как диверсионный акт (ноябрь 1937). Аресты стали делом почти обыденным. Бытовавшее название указа «семь восьмых» не случайно. Из каждых восьми крестьян едва ли семь оставались на свободе. Арестовали члена Президиума Ставропольского РИКа Чумаева. Осудили на 10 лет «за хищение колхозного хлеба», который он разрешил выдать в качестве помощи вдовам, детям и беднякам. Чумаева вывели из состава президиума как опозорившего Советскую власть и партию. Районный суд

оказался настолько перегружен делами подобного рода, что пришлось в спешном порядке исполкому выделить штатную единицу народного заседателя. 16 декабря 1932г. Из протокола заседания РИКа «За невыполнение постановлений директивных органов по мясозаготовкам конкретных виновников отдать под суд». Указ действовал безотказно. Десятки имен жертв этого указа можно назвать: В.М. Копытов (Ставрополь), И.Ф. Чертанов (Мусорка), В.И. Сорокин (Васильевка). Они, отбывавшие «десятки» в лагерях безвинно, обязаны были верить в справедливость Советской власти. Исполком регулярно подвергал строжайшей проверке работу районного суда и указывал на политические ошибки. Из протокола № 44 от 26 января 1933г. «Указать на судье Осташковой о допущенных политических ошибках (прекращено дело кулака Харитонов, оправдана кулачка Куклева) и прочие ошибки по делам о хищении социалистической собственности. Констатировать, что не смотря на загруженность судебных участков делами, на судьи сумели своевременно разрешить важнейшие дела, вынося по ним классово-выдержанные приговоры». Потребности времени, как понимал их Сталин, менялись. И та «десятка», которая определялась по указу «Семь восьмых» и казалась достаточной в ожидании войны, после войны выглядела слабовато. И, несмотря на существование многочисленных статей и указов о наказаниях за хищение и воровство, 4 июня 1947 г. огласили Указ, окрещенный заключенными «Четыре шестых». Превосходство нового указа было в том, что от него самого должны были вспыхнуть эти преступления и обеспечить большое число новоосужденных. Сроки наказаний по новому указу увеличились вдвое. Обычно за колосками отправлялась не по одиночке, а чтобы храбрее быть по двое-трое, - речь шла об организованной преступной группе и каждый получал по 20 лет лагерей. Так же рассматривались дела 12-14-летних мальчишек, лазивших в колхозные сады или огороды за яблоками и огурцами. На промышленных предприятиях планка наказания была поднята до 25 лет. Этот срок заменял смертную казнь, за несколько дней до этого указа отмененную. Наконец, указ 1947 года за бытовое недоносительство о хищении государственного или колхозного имущества предусматривал наказание 3 года лагерей или 7 лет ссылки. В ближайшие после указа годы целые дивизии сельчан и горожан были отправлены в лагеря. Так после победы над врагом внешним энергично стали сажать врага внутреннего. Полистаем старые судебные дела. В 1949 г. Сосново-Солонецкий народный суд рассматривал дело по обвинению жителей села Большая Рязань в ограблении магазина. Четверо мальчишек 13-15 лет, отцы которых погибли на фронте, влезли в магазин через щель между полом крыльца и дверью. Похитили они три складных ножичка, три пачки конфет по полкило, 40 рублей и три пачки папирос - эти вечно голодные послевоенные дети-полусироты, не имевшие детства. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 1 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», каждый из этих мальчишек получил по 8 лет лагерей. Все им было больше 12 лет. Следовательно, они должны были отвечать за свои поступки. Тем более, что в свое время знаменитый Указ ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935г. предусматривал расстрел детей 12-летнего возраста. Вот строго и в духе закона. Тысячи колхозников осудили в послевоенный год, когда голод и разруха царили в стране. Судили за несколько килограммов зерна, унесенных с колхозного тока. Судили за колосок, за огурец, за несколько картофелин. В протоколах писали: «100 килограммов зерна», - все-таки стыдно было писать «две картофелины». В числе осужденных - многодетные солдатские вдовы. Из дела Сосново-Солонецкого народного суда от 6 ноября 1950г. В колхозе им. Ильича осуждена мать троих детей от 4 до 14 лет. На пять лет лагерей за 56 кг ржи, унесенной на еду опухавшим от голода детям. Из дела от 7 сентября 1950г. Приговорена к 5 годам лагерей в колхозе «21 годовщина Октября» мать четверых детей за унесенные 5 кг пшеницы. Из дела за апрель 1949 г. Осуждены две женщины из колхоза им. К. Маркса за хищение с мельницы 5 кг овса и 3 кг муки. Одна имела сына 10 лет, приговорена к 10 годам с конфискацией имущества; другая, вдова солдата, награжденная медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и грамотами за ударный труд в колхозе, имела сына 7 лет и 80-летнюю мать на иждивении, получила 8 лет с конфискацией. Из дела от 5 июля 1950 г. Сосново-Солонецким народным судом посажена на 5 лет в лагерь жительница с. Большая Рязань (колхоз им.

Калинина) мать двоих детей 3-12 лет солдатская вдова, за 13 кг гороха, взятых тайком. В 1947г. начали сажать инвалидов и участников войны. Инвалидов сажать в лагеря было невыгодно - они не могли работать. Но факт остается фактом. В с. Кармалы суд приговорил к 10 годам лагерей двух колхозников инвалидов войны 1-2 групп. Один был отцом четверых, другой - шести детей. В с. Березовый Солонец 27 июля 1949 г. выездная сессия суда рассмотрела дело колхозника, солдата, прошедшего всю войну, и приговорила его к 8 годам лишения свободы. Прошло более, чем полвека, много написано, раскрыто тайн о 37-м годе, но и сейчас мы не всё знаем о том темном и страшном времени. Любой житель огромной страны, от колхозника до члена Политбюро, всегда знал, что неосторожное слово или движение — и он бесповоротно летит в бездну. Страх господствовал в стране. И страх не всегда перед арестом, но и «чисткой», проверкой, заполнением анкет, увольнением, лишением прописки, высылкой. Тем более, что недалеко от Ставрополя была Красная глина - лагерь, страшный лагерь с тоннельными работами для заключенных. Попробуем охарактеризовать то время: стукачество. Ставропольский РУМ НКВД вербовал такое количество стукачей, какое никак не могло быть нужно. Существовала огромная армия добровольных стукачей. Вербовка их следователями была проста: «Вы советский человек?» Следователь обещал то, чего человек много лет не мог добиться законным путем, немного давил на слабое место, грозил тем, чего человек больше всего боялся, и дело сделано. Из протокола 13/146 от 12.04.1938 г. заседания Ставропольского райисполкома «Связи с врагами народа зав. райздравом Чекина не подтвердились. Решением Пленума Чекин реабилитирован. Отмечая наличие сообщения бывшего прокурора района Сеницына о связях Чекина с врагами народа профессором Андреевым через врага Тараканова (Н.И. Тараканов - врач горбольницы), которое не подтвердилось и является явно клеветническим, просить о привлечении Сеницына к ответственности». В борьбе друг с другом доносы были сверхоружием. Отказа никогда не было. Скрытность и недоверчивость заменила прежнее радушие и гостеприимство. Ложь стала формой существования. Каждый доклад, лозунг, лекция, произнесенные с трибуны в эти годы, были ложью. И чаще всего люди знали, что лгут, но иначе поступить не могли - это грозило гибелью. 28 января 1937г Хрящевский сельсовет, заслушав доклад о «параллельном центре», призвал всех к «большей революционной бдительности и пресекать все попытки нарушения мирного спокойствия»; «с восторгом потребовал от пролетарского суда высшей меры для Пятакова и Радека». В свою очередь, Ягодинский сельсовет 5 января 1937г. отметил, что армии, А.Ф. Воронкова - за связи с арестованным Пудовкиным и братом расстрелянного белогвардейца Мазановым, М. Беляшова - за связи с Мазановым и Пудовкиным. 2 декабря 1937 г, Ставропольский райисполком постановил: «Отвести из состава участковых избирательных комиссий как врагов народа и их пособников И.И. Обмоина, Н.Г. Музалеву, А.Е. Кочнева». Охота на ведьм ширилась. В Ставрополе РОМ НКВД арестовал вредительскую группу в составе: зав. конторой «Заготзерно» Тарасова, зав. райзо Крикливого, зав. райфо Арефьева, директора Русско-Борковской МТС Давыдова. За попустительство троцкистам с должностей сняли первых секретарей райкома РК ВКП (б) Е.К. Фомичева, С. М. Гордеева. К диверсиям были готовы всегда: «В связи с проведением 12 декабря выборов в Верховный Совет, враг может навредить и провести поджоги, поэтому следует организовать пожарную дружину». В сентябре 1937 года Ставропольский райисполком отмечал: «считать поджог дома М.П. Пивоварова, члена Подстепкинского сельсовета классовой мезьей». проект Сталинской Конституции все больше воодушевляет нас на новые победы социализма, несмотря на трудности этого года». Необходимо заметить, что за отрицательное отношение к Конституции по статье 58 УК РСФСР давали срок от 6 до 10 лет. 10 февраля 1937 г. общее собрание жителей с. Хрящевки по поводу смерти С. Орджоникидзе вынесло резолюцию: «Сплотимся теснее вокруг партии и гениального вождя Сталина, будем бить врага на всех участках нашего социалистического строительства». Подозрительность, стремление все беды и неудачи свалить на мифического врага, наконец, - всеобщая мания поисков врагов народа захлестывала страну. В Ставрополе только в 37-м году, исключили из партии: за вредительство: зав. семенной лабораторией А.А. Толмачева, директора Нижне-

Санчелеевской МТС Богомолова, за шпионаж и связь со шпионами: И.А. Лося за связь со шпионом Денисенко и родственные отношения с врагом народа Звягиным, В.Н. Лошкарева - инструктора РК ВКП (б) - за связь со шпионом Горбуновым на Самарском заводе № 42, за связи с троцкистами: В.И. Бердяева, зав. конторой «Заготзерно» И.М. Хоха - за сокрытие троцкистской группировки в 1926-1927 гг.; за участие в контрреволюционных выступлениях против советской власти: И.С. Кобенина - за участие в «чапанке», за связи и пособничество врагам народа; зав. районным финотделом Н.А. Арефьева - за пособничество Божко, арестованному сыну торговца, служившего в белой госпромышленности, член ЦИК, расстрелян в 1937 году) в колхоз им. Блюхера; - переименовать артель им. Блюхера в артель «Родина»; переименовать колхоз им. Хатаевича (член Политбюро ЦК КП(б)У, член ЦИК, расстрелян в 1938 году) в колхоз им. 20 годовщины Октября, так как Хатаевич оказался врагом народа». Большая группа «вредителей», состоявшая из преподавателей педагогического училища, была арестована в декабре 1937 года: «Преподавательский состав педучилища засорен чуждыми элементами: завуч - сын торговца, преподаватель музыки - офицер, служивший в контрразведке чехов, директор училища Р.И. Резаев исключен из партии за поддержку врага народа директора Института красной профессуры Гаркуши. При направлении студентов училища в военные лагеря Осоавиахима Рязев послал туда Гибнер, отец которой был осужден за фашистскую агитацию, и Мучкину, дочь торговца. В день смерти Ленина эти студентки заявили: «А у нас траура и не было». Летом 1937 года райком партии строго осудил редактора газеты «Большевистская трибуна» Гомберга, потому что наборщиком были допущены ошибки в стихотворении «Страна Советов». На первой полосе ставропольчане прочитали: «В окопах пять шестых фашизма». Отмечалось, что редактор «слабо мобилизует бдительность населения, хотя в редакции есть враги народа - Козаков, Рубцов, Краснобаев». Все силы общества были мобилизованы на помощь органам НКВД в их карательной и репрессивной работе: в селах создавались группы содействия прокуратуре и секции социалистической законности. Исполком указывал прокурору Сюсюкову «на более энергичное выявление врагов народа на местах». План по врагам народа перевыполнялся. В Ставрополе по докладу начальника РОМ НКВД Астафьева принимались решения такого рода: «считать директора совхоза Степана Разина Амирова врагом народа». Модно было арестовывать за анекдот, песню, частушку, по статье 58 УК РСФСР за это осуждали на срок 10 лет. «В связи с тем, что по Федоровскому сельсовету поются антисоветские частушки поручить следственным органам сочинителей и председателя сельсовета Чеченкова привлечь к судебной ответственности». В обстановке многолетнего страха и предательства люди, уцелевшие от арестов, уцелели только внешне, то, что внутри - истлело. Это и было планомерное растление страхом и ложью. Отталкивая призывные руки тонущих, трудно сохранить доброту. Формировался особый род жестокости. Самым распространенным предательством было не заметить гибнущего рядом. Каждый поступок противодействия властям требовал мужества, несоизмеренного с величиной поступка. Предательство стало формой существования. Установился строгий контроль при отборе призывников в ряды Красной Армии: исследовались самые дальние степени родства для выявления врага. Посмотрим, как это было: П.Е. Севастьянов из Верхнего Санчелеева не допущен в армию, так как отец его арестован по линии НКВД; по той же причине не допущен А.Н. Михайлов; а у призывника И.С. Исаева двоюродный брат и дядя жили в Америке; у Е.А. Пирогова неблагонадежной оказалась большая часть родственников: брат - «лишенец», тетка - в ссылке, дядя - «враг народа». И еще сотни имен. А в сентябре 1938 года РИК отказал в характеристике красноармейцу М.Н. Федотову, так как его отца «чапанщика» расстреляли, родной дядя - «враг народа», второй - «чапанщик», расстрелянный по решению военно-полевого суда. Существовал простой стандартный набор обвинений по статье 58: дискредитация вождя; отрицательное отношение к колхозному строительству; отрицательное отношение к государственным займам, очередному мероприятию партии. 02.06.1937 Ставропольский сельсовет постановил: «На решение правительства о новом займе ответим немедленной подпиской на заем на 100 % своей зарплаты. Мы с радостью даем в займы государству свои сбережения. Пусть знают фашистские поджигатели войны,

что наши самолеты будут самые быстрые». В 1949 г. государственными и силовыми структурами было принято решение о строительстве Куйбышевской ГЭС и создании особых лагерей. Начинается строительство комендантского гидроузла генерал-майора Семенова проекты лагерей на 1000, 2000, 3000 и 5000 человек с привязкой на местности. Ставропольский райком партии и райисполком в июле 1949 г. передали под прибывающий контингент заключенных постройки городской бойни, а также выделили для организации лагеря земельный участок в 50 га и 27 домов общей площадью 990 кв. м. под жилье охране и командному составу. В созданном лагерном управлении были отделы: секретная часть, общий, политический, культурно-воспитательный, кадров, найма, цензорское отделение, военизированная охрана, штаб, спецотдел, коммунально-эксплуатационный, интендантский. В разряд контингента особлага вошли осужденные по статье 58-10, 58-11, то есть за антисоветскую агитацию, сюда же переправили через Куйбышевскую пересылку «изменников Родины» (ст.58-1а), «агентов мировой буржуазии, диверсантов, террористов, вредителей и экономических саботажников». Начальник лагерного управления на строительстве ГЭС имел оклад в 3400 рублей (в ценах 1947 г.), для сравнения оклад начальника строительства составлял 4000 рублей. Руководство лагерного сектора доверили Николаю Петровичу Хмарину, а затем его сменил генерал-майор Семенов, комендантом управления лагерей был М.П. Любушкин. До января 1950 г. в самые рекордные сроки отстроили особые лагерные пункты и назначили начальников лагерей: Л/О № 1 - г. Ставрополь - начальник Терещенко, позднее мл. лейтенант Быков, ОЛП № 2 - г. Жигулевск, позднее реорганизован в подкомандировку ОЛП № 4, ОЛП № 3 - Большая Царевщина, начальник майор Михайловский, ОЛП № 4 - начальник майор П.К. Кульков, ОЛП № 5 - с. Кунеевка, начальник майор Шалнев, позднее - лейтенант Николайчук, ОЛП № 6 - в Красной Глинке существовал давно и был известен своим жестоким режимом, ОЛП № 7 - Отважное - Моркваши, начальник капитан Черкасов, ОЛП № 8 - с. Васильевка. На этом список лагерей, созданных для строительства ГЭС, не кончается: ОЛП и пересыльный пункт в Сызрани (начальник старший лейтенант Герасимов) ОЛП в Переволоках и так называемый ОЛП «25 километр» на 1500 человек каждый, (начальник майор Бондаренко), ОЛП в Куйбышеве, пересыльный пункт в Ставрополе, ШИЗО в Кунеевке. Огромное внимание уделяли охране контингента. Структура охраны: штаб, 7 отрядов, 4 отдельных дивизиона, маневренная группа, комендантский взвод, 1-й отдельный взвод в Сызрани. Возглавлял управление охраны подполковник Шипилов. За отрядами охраны закрепили 18 грузовых автомашин. Дислокация отрядов была следующей: 1-й отряд - Ставрополь. 2-й отряд - п. Комсомольский, 3-й отряд - п. Жигулевск, 5-й отряд - п. Красная Глинка. В отношении режима в особлаге произошли большие изменения: ввели наказание в наручниках, зонные полосы добавочно укрепили: затянули дополнительные нитки колючки и в предзоннике рассыпали спирали Бруно, ставились пулеметы. В каждом лагере была тюрьма - БУР. Заключенные, попадавшие в БУР, подвергались пытке холодом, так как обязаны были сдать телогрейку. В особлаге каждый заключенный имел свой номер. Написанный на полосках белой ткани номер пришивался к телогрейке спереди и сзади, на рукав, на шапку. Надзиратели были «вооружены» наручниками, а их подручные — бригадиры и коменданты носили палки. Заключенным режимом запрещалось иметь фотографии семьи. Работа для контингента особлага выбиралась самая тяжелая. К примеру, на строительстве гидроузла это был лесоповал, разработка каменных карьеров и т.д. Заболеваемость среди заключенных силикозом, туберкулезом была необычайно высока. И это заставило администрацию лагерного управления в 1951 г. построить дополнительно две больницы для контингента з/к. С охраной труда контингента дело обстояло так, например, в ОЛП № 7 16 мая 1950 г. заключенный Афузов С.А. штукатурил столовую и, работая над плитой, упал в котел с кипящей водой. В ОЛП № 1 один из заключенных упал с лесов строящегося здания и разбился насмерть. В ОЛП № 5 заключенный В.П. Лещенко, работавший на лесоповале, был раздавлен упавшим деревом. 13 июля 1951 г. на Морквашинском деревообрабатывающем комбинате при разгрузке баржи с оборудованием пострадали одновременно 7 заключенных, один из которых умер, трое получили тяжелые повреждения. В ПРБ Ставропольского

строительного района только за три месяца 1951 г. произошло 19 несчастных случаев на производстве с контингентом. Это не только плохая организация труда, но и полное безразличие к заключенным. Интересно, что рабочее время контингента с 7 утра до 18 часов вечера постоянно пересматривалось для создания «условий для полноценного отдыха охраны». Несмотря на то, что существовало специальное подразделение служебных собак, постоянно пополнявшееся, на строительстве были и побеги. К примеру, 21 января 1950 г. из лагпункта на Красной Глинке совершили побег заключенные, которых обнаружили на частной квартире в поселке Безымянка.

Иногда несправедливость касалась и надзирателей, охранников. Большая часть которых набиралась из национальных меньшинств: татар, мордвы, чуваш. В июле 1951 г. в связи с «плохими» жилищными условиями охранников и их семей вышел приказ начальника управления ИТЛ генерал-майора И.В. Комзина о выделении квартир семьям охраны, о размещении надзирателей в казармах охраны и снабжении их необходимым инвентарем. Нарушителей службы среди надзирателей и охраны достаточно тщательно и часто проверяли. В августе 1951 г. в ОЛП № 1 и ОЛП № 2 комиссия зафиксировала недостаточный численный надзирательский состав в 6 человек, в ОЛП № 1 старший смены надзиратель Синев на службе вообще спал. Естественно, что там, где была возможность ни надзиратели, ни охрана своего не упустили. Постоянными ревизиями во всех ОЛП обнаруживали недостачу продуктов на пищеблоках. Например, на Сызранском пересыльном пункте в августе 1951 г. обнаружили недостачу вещевого довольствия на 1112 рублей. Постоянными были приписки на производстве. В ОЛП № 5 за июль 1950г. фонд заработной платы превысил норму на 78 тысяч рублей. По Кунеевскому строительному участку допустили бросовые работы (то есть, ненужные) на 3 тысячи рублей. В ОЛП № 2 в октябре 1951г. зафиксировали скрытых непроизводительных потерь на 782 тысячи рублей, допущена порча продуктов на 24 тысячи. Так что воровали на таком огромном строительстве в достаточно крупных масштабах. Вопрос об условиях содержания заключенных был достаточно острым. В феврале 1950 г. поставили вопрос о том, что заключенные в ОЛП № 2 не обеспечены не только горячей пищей, но и даже кипятком. И это зимой! А начальник ОЛП № 2 майор Кульков «смирился с отсутствием элементарных бытовых условий для з/к». Режимом в особлаге было разрешено два письма в год, но и это не исполнялось, так как цензорам МГБ никто был не указ и письма часто просто не отправлялись, таким образом человек просто исчезал для своей семьи. В особлагах полностью режимом были запрещены денежные выплаты заключенным в счет заработной платы. Хотя заработки были достаточно высоки: на лесоповале з/к получали в месяц 272 рубля, трактористы - 485 рублей. Было запрещено иметь смену обуви или белья, не сдать собственной одежды в камеру хранения сроком вплоть до освобождения считалось подготовкой к побегу. Зоны выпалывались до травинки, чтобы в траве нельзя было спрятать оружия. В ОЛП строительства гидроузла были свои КВЧ - центры культурного общения, где регистрировались личные книги заключенных и ставились номера на одежде. Их числа контингента на строительстве назначались культторги с оплатой за труд ежемесячных премиальных. Шло профессиональное обучение контингента: с этой целью освобождали преподавателей из числа заключенных для работы на учебных пунктах лагподразделений Комсомольского, Жигулевского и Ставропольского строительных районов. Поскольку побеги в особлагах были не частыми, существовали бригады особого режима, в состав которых входили з/к, готовившие или замышлявшие побег. Новой привилегией охраны во особлагах было разрешение стрелять в строй, а не в конкретного человека. За что охранников регулярно премировали деньгами и отпусками. В ВСО (военизированная стрелковая охрана) служили ребята, набранные военкоматами по призыву 1949 г., то есть молодежь, не видевшая войны и твердо уверенная в правоте всего, что им вкладывали в головы замполиты. Присяга! Можно ли было не иметь своих представлений о дурном и хорошем и черпать их из инструкций. Так можно было направить клятву о защите народа от злодеев на службу злодеям и против народа. Вся система особлагов, направленная на разъединение недовольных, объединила «политических» и сделал их единой силой, способной к сопротивлению. Нельзя забывать о невинных жертвах

20-50-х годов. Сегодня мы имеем последний шанс оправдать их, покаяться и поклониться их мукам, их крови, их страданиям.

Н.Г. Лобанова,
начальник отдела учета, публикаций и использования документов архивного фонда РФ